

У МОГИЛЕВА

39 РАЗБИТЫХ ТАНКОВ

Из дневника узнаем: корреспонденты «Известий» Павел Трошкин и Константин Симонов прибыли в один из полков оборонявшей город дивизии ночью. И об этом приходе лучше, чем записано в дневнике, не расскажешь. «Нас задержали и под конвоем доставили в штаб полка. Из окопа поднялся очень высокий человек и спросил, кто мы такие...

- Какие корреспонденты?! - закричал он. - Какие корреспонденты могут быть здесь в два часа ночи? Кто вас послал? Вот я вас сейчас сей-час положу на землю, и будете лежать до рассвета. Я не знаю ваших личностей».

- В те дни, - рассказы-вал Симонов, - такой прием нас обрадовал. Я сразу почувствовал дисциплину, порядок, уверенность. И не ошибся. Все это было в полку, которым командовал Семен Федорович Кутепов.

За время войны и после нее писатель видел много разных людей - командиров и рядовых. О многих сумел рассказать со знанием военного дела и знанием человеческой сущности. Много разных фамилий. И всюду имя Кутепова стоит у него в самом почетном ряду имен. Так же, как Могилев упоминается рядом с Москвой, Ленинградом, так и Кутепова он решается назвать рядом с очень известными нам именами.

Несомненно, тут много личного. Кутепов был первым из командиров, в ком писатель увидел человека знающего, умного, стойкого, храброго. Конечно, имел значение психологический фон, на котором возникла для молодого, пока еще растерянного интеллигента с наганом фигура решительного бойца. Отступление, неразбериха - и вдруг порядок, железная стойкость, и главное - налицо результаты: разбитые танки. Тридцать девять! Стоят почти рядом с окопами на измятом, избитом пшеничном поле.

Соблюдая осторожность, можно к ним подойти (немцы рядом, в леске!), как следует их осмотреть, потрогать руками, заснять. Танки, о которых так много было в те дни разговоров тревожных, нередко панических, стоят, разбитые в пух и прах! И тут рядом - люди, только что выдержавшие четырнадцатичасовую бой. Несомненно, навалются новые танки, но люди тут собраны и спокойны, как и сам командир, сказавший неожиданным в той горячей точке гостям: «Мы так уж решили тут между собой, что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы».

НАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ

Менее суток были корреспонденты в расположении полка Кутепова. «Беседовали с людьми. Прошли по траншее к подбитым танкам. Трошкин с упоением их снимал и так и эдак. И был, несомненно, замечен из леса немцами - появился над танками «мессершмитт» и начал охоту за Трошкиным, которому пришлось отсидеться под днищем одной из подбитых машин».

Менее суток - срок небольшой, чтобы верно судить о людях. Обстановка, однако, до крайних пределов обнажала тогда человеческую сущность. И Симонов увидел в Кутепове и в людях его полка подлинных героев. Молодому корреспонденту, писателю и поэту еще предстояло рассказывать о войне, и встреча под Могилевом явилась важнейшей точкой опоры, символом веры, успокоением. «Соппротивление прущему немцу действительно существует, и, несомненно, Кутепов не единичен на всем огромном пространстве войны».

Так оно и было. И люди, polegшие у Могилева, навсегда остались для Симонова образцом мужества. Мы это чувствуем по его дневнику, мы это знаем по тщательным розыскам (не остался ли кто в живых из полка?), по частым упоминаниям в статьях и книгах.

«МОЕ ПОЛЕ ТАМ»

Наверное, этого и довольно, чтобы понять, почему Симонов постоянно помнил о Могилеве и людях, которые его защищали, и почему однажды сказал: «Мое поле там...»

1943 год. Константин Симонов на первых захваченных в боях немецких самоходных орудиях «Фердинанд».

Сам Симонов умер не в бою - в больницы постели. Последнее его деловое распоряжение: «Папка с документами о Жукове - с краю на верхней полке». Об этом человеке он готовился написать...

Он много сделал. Очень много для одной человеческой жизни. Прилежно работал (иногда по двенадцать-пятнадцать часов в сутки!), любил работать, умел хорошо организовать работу. Непрерывность труда была стилем и смыслом жизни. И, возможно, самым печальным днем для этого человека был день в июле 1979 года, когда он почувствовал, что не может работать. В тот день на телеграфном бланке, найденном недавно среди бумаг, возможно лишь для себя, Симонов записал: «Я уже ничего не могу доделать. Что сделано, то сделано, что задумано и не додумано, тоже не в моей власти. Я могу только, если потребуется, привести в порядок не

ЗАПИСИ ИЗ ДНЕВНИКА

Литературный образ Серпилина - собирательный образ, но в основе его лежит личность конкретная - командир 388-го стрелкового полка 172-й дивизии Семен Федорович Кутепов. Помещая портрет полковника в дневниках, Симонов пишет: «В моей памяти Кутепов - человек, который, останься он жив там, под Могилевом, был бы способен на очень многое».

Кутепов и все, кто был с ним рядом, остаться в живых не могли. Корреспонденты «Известий» почувствовали это уже в тот день, когда уезжали с линии обороны. Они и сами на своем памятном пикапе чудом проскочили линию окружения Могилева.

Несомненно, Симонов часто думал об этом дне. Отвечая в беседе на мой вопрос: «Что для него, журналиста, было самым тяжелым в войну?» - он сказал: «Уезжать от людей в критической для них ситуации...»

Корреспонденты спешили в Москву с бесценной для той поры информацией. 20 июля в газете появился рассказ о сражении под Могилевом. Я отыскал в архиве тот номер газеты. На желтевшей первой странице - большой портрет Сталина (в тот день объявлялось о назначении его Народным комиссаром обороны СССР), а внизу, во всю газетную полосу, снимок - панорама подбитых танков.

Симонов в дневнике пишет: «У ви-

Прототипом комбрига Серпилина в романе «Живые и мертвые» стал советский офицер Семен Кутепов.

трин с газетами стояли толпы народа... Это было вполне объяснимо. В сводках Совинформбюро постоянно сообщалось о подбитых немецких танках, число их перевалило за тысячу. Но впервые люди увидели: танки действительно подбивают».

В том же номере на третьей странице с пометкой «Действующая армия» напечатан очерк «Горячий день». Это был первый репортаж Симонова с войны. Его, несомненно, с волнением прочли тогда миллионы людей. Но его, скорее всего, не прочли, не могли прочесть люди, которым он посвящался. Возможно, как раз 20 июля они умирали под Могилевом в схватке с новой, свежей колонной танков...

В 1978 году, условившись о беседе для «Комсомолки», я приуныл, узнав, что Константин Михайлович лег в больницу. Но он позвонил с шуткой: «Приезжайте, в больнице тоже можно работать». В больнице же Симонов диктовал ответы на горы писем (за жизнь получил он их многие тысячи и, кажется, не оставил без ответа ни одного).

Сразу после больницы он, помню, поехал в Берлин, работал над фильмом, начал новую повесть, собирал документы, наезжая довольно часто в Подольский военный архив. Работал. Вот почему смерть его была для многих ошеломляюще неожиданной. Уже израненный жизнью, он все-таки шел. Шел и упал.

Могилев, через который война прошла «туда и обратно», давно залечил свои раны. О войне напоминают только названия улиц. Есть среди них улица полковника Кутепова, есть теперь еще и улица писателя Симонова. Вблизи большой городской площади улицы скрещиваются.

А на шестом километре шоссе, идущего в Бобруйск, след войны сохранился. Заросший ольхой, шиповником, бузиной и волчьим лыком противотанковый ров упирается в берег Днепра. Тут видишь бетонный дот, траншеи на кручах, окопы, пулеметные гнезда, заросшие бурьяном. И по правую сторону от шоссе - то самое поле, то место, где в сорок первом по немецкой броне хлестали снаряды защитников Могилева.

В память о тех, кто остался навечно у этого поля, уже много лет стоит обелиск. И чуть в стороне, в разрезе зеленых посадок, с военного вездехода сняли и поставили камень. Это память о человеке, чья жизнь была связана крепко с судьбой тех, которые воевали, - с живыми и мертвыми.

Василий ПЕСКОВ,
1980 год.